

«...СЧАСТЬЕ ЕСТЬ ЛУЧШИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Пolemические заметки об изучении любовной лирики Пушкина

В поэтическом наследии Пушкина реалистического периода (с 1823 по 1830 год включительно) значительное место занимает любовная лирика. Условно его лирические стихотворения можно разделить на две группы. В одну входят стихи, прямо или косвенно обращенные к какой-нибудь определенной, названной или откровенно подразумеваемой женщине, например, «К ***» («Я помню чудное мгновенье...»), лично переданное адресату — А. П. Керн, или «Что в имени тебе моем...», записанное в альбом К. Собаньской.

Ко второй группе принадлежат глубоко интимные любовные стихотворения, потрясающие искренностью выраженных в них чувств, но написанные с позиций, не допускающих какого-либо биографического комментария, поиска адресата: все, что нужно читателю для понимания авторского замысла, содержится в самом поэтическом строе стихотворения, в его образной структуре.

Но именно они и оказались объектом ожесточенно-пристального внимания комментаторов и биографов Пушкина. Встав на почву догадок и домыслов, поисков «утаенных» поэтом имен, пушкинисты, естественно, пришли к различным, но равно субъективным заключениям — потому одни и те же стихотворения стали приписываться по меньшей мере четырем женщинам (Е. Воронцовой, А. Ризнич — с одной стороны, и героиням легенды об «утаенной любви» — Е. Карамзиной, М. Раевской-Волконской — с другой). Вот уже почти сто лет идет своеобразный «рыцарский турнир» пушкинистов, в котором каждый биограф или комментатор с завидным постоянством и упорством сражается за свою «даму».

Современное пушкиноведение преодолело как субъективизм биографического метода, так и биографический цигилизм формалистов и вульгарных социологов. Это бесспорно. Но понимание границ и роли биографии поэта при изучении его лирики до сих пор лишено четкости и научной ясности.

Нужны ли и возможны биографические «расшифровки» и пояснения? Думается, что должно всякий раз исходить из самого характера художественного произведения. Если стихотворение создавалось с расчетом на понимание и знание читателем включенных в него автобиографических фактов и намеков на них, тогда комментаторы и биографы обязаны раскрыть их, как бы они, по разным причинам (например, цен-

зурным) ни были зашифрованы. Иными словами — нужно расшифровать то, что предусмотрено автором, что «запрограммировано» им, — тогда это действительно поможет пониманию стихотворения.

Но если стихотворение пишется с заранее поставленной целью — исключить из восприятия читателя саму возможность догадок об имени, утаенном поэтом, чтобы сосредоточить все его внимание на поэтическом содержании, то в подобных случаях вторжение комментаторов излишне. И вряд ли надо напоминать, что художественное произведение адресуется читателю непосредственно, через голову будущего исследователя, и читатель воспринимал и воспринимает сейчас эти произведения, не дожидаясь «расшифровки» пушкиниста.

В нашем пушкиноведении такого разграничения нет. Более того, во многих работах признается оправданным вмешательство комментатора во все произведения и приветствуется всякая расшифровка имен и биографических намеков. К тому же утверждается идея, что без таких расшифровок читатель якобы не сможет понять произведения, а следовательно, как бы признается художественная неполноценность стихотворения, поскольку оно само, без помощи комментатора, не способно передать заключенную в нем поэтическую информацию.

2

Чтобы понять, к чему приводит такая практика, обратимся к трем стихотворениям, написанным в Болдинскую осень 1830-го года: «Прощание», «Заклинание» и «Для берегов отчизны дальней...». Они создавались на пороге нового бытия — в последний раз, перед женитьбой, Пушкин вспоминал о событиях прошлого, пристально всматривался в пережитое, в свою давнюю горькую и прекрасную любовь, которая выдержала все испытания, прошла через муки и страдания сердца.

Первым было написано «Прощание». Пушкин прощался с той, которую любил: «В последний раз твой образ милый Державо мысленно ласкать». Он робко мечтал в ту осень о возможности нового счастья. Письма из Болдина раскрывают грустную прозаичность размышлений поэта об ожидавшем его браке. Но Пушкин еще не утратил веры в возможное счастье. В канун новой жизни его нравственное чувство требовало освобождения от того, что многие годы жило в сердце. Пушкин прощался со своей прежней любовью, проявляя сдержанность,

не вдаваясь в подробности бывшего романа. Он заверял любимую, что ее друг будет «с негой робкой и унылой Твою любовь воспоминать». Воспоминание проникнуто горечью: женщины, которую любил Поэт, уже нет в живых.

«Прощание» было написано 5 октября и по своему смыслу не предусматривало продолжения. Но продиктованное разумом решение не смогло сдержать вновь вспыхнувшего чувства. Воспоминание восстановило пережитое. Так 17 октября оказалось написанным «Закливание». Страшась той разлуки, которую благословлял в «Прощании», со всей силой страсти зывал поэт к любимой, клянясь ей в своей вечной верности, в невозможности даже в памяти отречься от всего того, что было.

Душевная открытость стихотворения удивительна, напряжение страстного, трепетного чувства таково, что стихи звучали не как признание и объяснение, но как горячее заклинание. Именно потому Пушкин считал необходимым как-то скрыть от чужих глаз могущество пережитого им чувства: «Закливание» — это перевод тщательно отобранного и тонко переделанного стихотворения Барри Корнуэла.

Прошло более месяца. Карантин продолжал удерживать поэта в Болдине. И опять воспоминания о прежнем и неумирающем чувстве чередой проходили перед Пушкиным. Память услужливо подсказывала дорогие сердцу подробности последнего горького свидания. О нем скупко говорилось и в «Прощании». Но теперь зримо и ярко возникла вся сцена, со словами любимой, с тоской прощания, которое оказалось роковым и последним. Чувства поэта и запечатлелись в стихотворении «Для берегов отчизны дальней...» (27 ноября).

Теперь уже действительно в последний раз Пушкин прощался — не с возлюбленной, с любовью своей. Более к ней поэт не вернется — поэтически пережитое чувство, воплотившись в стихах, освобождало его сердце.

Внутреннее единство этих трех стихотворений, единство целомудренного чувства, верность поэта памяти умершей женщины отмечали многие исследователи. Среди других прежде всего следует назвать П. Е. Щеголева. Но концепция внутреннего единства болдинского лирического цикла не получила признания — решительно разрушая его единство, стихотворения стали приписывать двум женщинам: «Прощание» — графине Е. К. Воронцовой, «Закливание» и «Для берегов...» — Амалии Ризнич.

Каковы же основания для подобных заключений? Практически — никаких! Если несколько десятилетий назад комментаторы еще пытались изыскивать доказательства своих версий, то теперь, как правило, они ограничиваются констатацией факта, изображают дело так, будто бы вопрос этот давно и окончательно решен. Нет нужды рассказывать всю историю подобного истолкования болдинского любовного цикла — важно подчеркнуть главное: современное пушкиноведение прежние гипотезы выдает

за истину. Именно с таким положением мы встречаемся в авторитетных трудах Б. П. Городецкого («Лирика Пушкина») и Д. Д. Благого («Творческий путь Пушкина. 1826—1830»).

Правда, утверждая, что «Прощание» адресовано Е. К. Воронцовой, исследователи должны были опровергнуть точку зрения П. Е. Щеголева и других ученых, убедительно доказывавших, что Пушкин прощается с умершей женщиной. А Е. К. Воронцова была жива. Возникшую трудность преодолели с помощью произвольного толкования ясных по смыслу стихов. Вот что пишет Б. П. Городецкий: Воронцова «была настолько далека и недоступна — и в связи с ее положением, а тем более с новым этапом жизни самого Пушкина, — что как бы умерла для поэта, равно как и он для нее» (подчеркнуто мной. — Г. М.).

Иное толкование дает Д. Д. Благой: «Поэту было грустно и сладостно еще раз через много лет снова вызывать в своем сердце ее облик... Но никаких иллюзий в нем не зарождалось. Прошлое безвозвратно прошло. И в ней и в нем самом погасло бывшее чувство: „Уж ты для своего поэта Могильным сумраком одета...“»

Весь строй стихотворения противоречит такому заключению — оно о любви, а не о погасшем былом чувстве. Стихи, исполненные нежности и печали («В последний раз твой образ милый Держаю мысленно ласкать...»), запечатлели вызванное необходимостью «прощание сердца» с «дальней подругой». Много лет он был верен памяти любимой, а теперь наступила горькая минута прощания навсегда. И не потому, что перестал любить. Только со смертью его исчезнет любовь и память о любимой. Пусть она поэтому примет «прощание сердца», «как овдовевшая супруга», как друг, навсегда расстающийся с другим «пред заточением его». Стихи — «Могильным сумраком одета» и «Как овдовевшая супруга» внутренне спаяны мыслью о смерти.

3

Логика, по которой объявляют Амалию Ризнич лирической героиней «Закливания» и элегии «Для берегов отчизны дальней...», — одна и у прежних (Н. Лернер, П. Губер), и у современных исследователей (Б. Городецкий, Д. Благой): иностранка, умерла за границей. Основанием для подобных заключений являлись первые две строки элегии: «Для берегов отчизны дальней Ты покидала край чужой». В свое время Б. В. Томашевский указывал, что вряд ли можно связывать элегию с именем Ризнич, поскольку в рукописи первые строки были иными: «Для берегов чужбины дальней ты покидала край родной».

Перед нами важный реальный факт: рукопись категорически свидетельствует, что когда писалось стихотворение, поэт мысленно обращался к русской женщине, уезжавшей за границу, а не к иностранке, возвращавшейся на свою отчизну. Строки эти были изменены, когда рукопись гото-

вилась к печати, — поэт убрал все появившиеся в процессе творчества реальные и точные намеки, которые могли бы послужить основанием для разгадки имени, так тщательно оберегавшегося Пушкиным. Но и этот реальный факт не поколебал позиции тех, кто настойчиво связывает стихотворение с Амалией Ризнич. Одни комментаторы сделали вид, что не замечают этого противоречия и потому не отвечали ни Щеголеву, ни Томашевскому. Другие реальному факту противопоставляли предположения, почему появились в рукописи строки о русской женщине, уезжавшей за границу.

Важным основанием закрепления элегий «Для берегов отчизны дальней...» за А. Ризнич являлось и биографическое толкование многих ее реалий. Например, Д. Д. Благой писал: «Ее содержание — одна из самых горестных и жгучих страниц реальной биографии поэта: отъезд Ризнич в свою далекую „отчизну“ — Италию, прощание с нею, ее смерть».

Встанем на позиции сторонников биографического истолкования лирического стихотворения и посмотрим, сколь точны делаемые ими выводы. Прежде всего обратимся к описанию свидания перед разлукой с возлюбленной, уезжающей за границу: «В час незабвенный, в час печальный Я долго плакал пред тобой...». Так в стихах, а как было в жизни? Пушкинисты смело толкуют «реалии»: Пушкин прощается с Ризнич. Но нет никаких свидетельств такого прощания Пушкина с Амалией Ризнич. Известно другое — она в течение нескольких месяцев до отъезда (1—2 мая 1824 года) была тяжело больна. Вот свидетельство мужа: «После ее родов ей становилось все хуже и хуже. Изнурительная лихорадка, непрерывный кашель, харканье кровью внушали мне самое острое беспокойство». Муж решился выполнить предписание врачей и отправил ее вместе с ребенком за границу. Ризнич провожал жену до Броды. Через год она умерла.

Вернемся к стихотворению. Поэт, рассказывая о последнем свидании, передает слова возлюбленной, обращенные к нему:

Но ты от горького лобзания
Свои уста оторвала;
Из края мрачного изгнания
Ты в край иной меня звала.

Нет никаких оснований утверждать, что Амалия Ризнич предлагала Пушкину уехать (то есть бежать из России) с ней за границу. Не собирался и Пушкин в мае 1824 года уезжать из Одессы. Известен иной факт — Амалия Ризнич звала с собой другого возлюбленного, который и последовал ее призыву.

Продолжим анализ реалий: что значат слова — «Из края мрачного изгнания»? Ясно, что так определяется место ссылки Пушкина. Если признать в лирической героине стихотворения Амалию Ризнич — значит, имеется в виду Одесса. Но поэт никогда не считал Одессу «краем мрачного изгнания». Стоит вспомнить только поэтическое описание Одессы в лирических строфах «Путешествия Онегина», написанных через год после отъезда из этого города.

Вот несколько красноречивых стихов: «Там все Европой дышит, веет, Все блещет югом и пестреет Разнообразностью живою. Язык Италии златой Звучит по улице веселой...». После подробного описания Одессы — такое заключение: «Но солнце южное, но море... Чего ж вам более, друзья? Благословенные края!»

Совершенно очевидно, что Одесса не была для Пушкина «краем мрачного изгнания», что, определяя так в стихотворении «Для берегов отчизны дальней...» место своей ссылки, он имел в виду не Одессу, а Михайловское, где в глуши русской провинции он оказался оторванным от друзей, от центров культуры и просвещения, от театров, газет, новостей... В пору жизни в Михайловском он так и характеризовал место своей ссылки: «И ныне здесь, в забытой сей глуши, В обители пустынных вьюг и хлада», или «В глуши, во мраке заточенья», или из стихотворения «Все в жертву памяти твоей...» — «Мрак изгнания». Амалия Ризнич, уезжавшая из Одессы весной 1824 года, не могла знать, что через три месяца Пушкину изменят место ссылки, переведут в Михайловское — край мрачного изгнания... Если опираться на биографические реалии в этом стихотворении, то можно смело делать вывод: любимая Пушкина не иностранка, а русская, и свидание происходило на севере, а не на юге, в пору михайловской ссылки поэта.

Современные пушкинисты, занимающиеся биографией поэта и комментированием его любовной лирики, в частности, стихотворений, посвященных Воронцовой и Ризнич, пришли к двум главным выводам.

Первый. Стихотворения, написанные в Болдине, являются прощальными, они завершали давно, еще в 1823 году, в Одессе, начатые романы с Ризнич и Воронцовой. Тем самым, естественным явилось желание выстроить два ряда лирических пьес, запечатлевших развитие любви Пушкина к этим двум женщинам¹.

Второй. Поскольку стихотворения истолкованы как проявление «могучей страсти» Пушкина, а объектом ее оказались две женщины, постольку биографы пришли к полюбовному решению, что в период с 1823 по 1830 год Пушкин одновременно любил двух женщин — Ризнич и Воронцову¹.

Вопрос о границах биографического начала с особой остротой встает перед исследователями при изучении любовной лирики Пушкина — ибо здесь прежде всего происходит их нарушение. Красноречивым

¹ Как утверждают некоторые биографы Пушкина, поэт одновременно испытывал громадное, «единственное» по своему характеру чувство не к двум, а к трем женщинам. В настоящее время произошло, так сказать, «разделение сфер влияния» — одни биографы и исследователи занимают любовью Пушкина к Ризнич и Воронцовой (по их убеждению, очевидной, открытой и безусловной), другие изучают так называемую «утаенную любовь». Сюжет это особый, и я его касаться не буду. Укажу только, что он возник давно. Утаенной любовью занимались и М. Гершензон, и П. Щеголев, и Ю. Тынянов, и другие. Ныне ее изучает Т. Г. Цявловская. За десятилетия предлагались (соответственно и отвергались) многие имена.

примером такого «перехода» границы и является разработка в современном пушкиноведении биографической концепции о великой любви Пушкина к Ризнич и Воронцовой, изучение лучших лирических стихотворений поэта.

Важно подчеркнуть при этом, что данная концепция не является следствием и результатом историко-литературного изучения лирики Пушкина с тактичным использованием реальной биографии, фактов и событий жизни поэта. В действительности она *позамышлена* у давних сторонников биографического метода, которые доказывали истинность «романов» Пушкина и их отражения в лирике с позиций субъективизма, домыслов и произвольных построений. От методов отказались, а идею приняли, не посчитав нужным проверить все так называемые доказательства.

Вот почему с подобными биографическими истолкованиями болдинского прощального цикла нельзя согласиться. Расшифровка адресатов и биографических реалий (которая к тому же носит и произвольный, как мы видели, характер) мешает и затемняет понимание поэтического, художественного смысла гениальных лирических стихотворений Пушкина, с поэтической силой и полнотой запечатлевших личность поэта, мешает и затемняет прежде всего потому, что насильственно разрушает внутреннее единство чувства этих стихотворений, произвольно относя его к различным женщинам. Нельзя принять и ссылок современных исследователей на законность их права привлекать в процессе изучения стихотворений биографические факты — в данном случае привлекаются не факты подлинной биографии, а факты *мифологической* биографии, сочиненной усилиями нескольких поколений сторонников биографического метода. Субъективизм пушкинистов прошлого века привел их в изучении биографии поэта к созданию многих легенд, к приписыванию Пушкину того, в чем он не повинен. Одной из таких устойчивых легенд является легенда о великой любви Пушкина к Е. К. Воронцовой и А. Ризнич.

История отношений Пушкина и Амалии Ризнич глубоко и тщательно исследована П. Е. Щеголевым (см. его статью: «Амалия Ризнич в поэзии Пушкина»). Ученый, опираясь на факты, новые материалы и тонкий анализ стихотворений Пушкина, действительно посвященных А. Ризнич, сумел установить и время увлечения Пушкина (сентябрь — декабрь 1823 года), и его характер (Ризнич «приковывала к себе властью своей красоты и чувственного влечения»).

П. Е. Щеголев решительно отвел несостоятельные аргументы исследователей, бездоказательно адресовавших А. Ризнич многие другие стихотворения 1820-х годов и, стихотворения болдинского цикла — «Заклание» и «Для берегов...». В итоге своих разысканий исследователь пришел к обоснованному выводу, что «цикл Ризнич в творчестве Пушкина обнимает следующие произведения поэта: элегию 1823 года

(„Простишь ли мне ревнивые мечты“); элегию... 1826 года („Под небом голубым...“) и XV—XVI строфы шестой главы „Онегина“, оставшиеся в рукописях. Все же остальные стихотворения, связывавшиеся с именем Ризнич, не могут быть относимы к ней».

Вывод этот точен и справедлив. И — парадоксально! (а может быть, и закономерно) — с ним не посчитались те пушкинисты, которые были пленены легендой о всемогущей любви Пушкина к Амалии Ризнич. Энергично утверждая ее, они не сумели поколебать или опровергнуть выводы П. Е. Щеголева, не смогли обнаружить хотя бы какие-нибудь вероподобные доказательства в ее пользу.

Вопрос о месте А. Ризнич в жизни и поэзии Пушкина, конечно, частный, но характер его решения в современном пушкиноведении не может не вызвать тревоги. С позиций мнимого биографизма создается легендарная биография Пушкина, оказывается возможным легко и просто приписать Пушкину любые увлечения, чувства, поступки и, самое главное, оправдывается идея произвольной «расшифровки» адресатов любовной лирики.

«Расшифровка» закрепила за Воронцовой лучшие любовные стихотворения Пушкина, несмотря на то, что так называемый «роман» его с Воронцовой есть вершина мифологической биографии поэта.

4

Даже в пору торжества биографического метода изучения творчества Пушкина — в первое десятилетие XX века — некоторые ученые, откровенные его сторонники (Н. О. Лернер, М. О. Гершензон, П. Е. Щеголев), сочли своим долгом выступить с признанием, что бытующая в пушкиноведении история о великой любви Пушкина к Е. К. Воронцовой носит легендарный характер.

П. Е. Щеголев, ознакомившись со всеми к тому времени накопившимися «материалами» на этот сюжет, не признал их доказательности, усомнился в реальности всей этой истории, о чем и рассказал на страницах «Вестника Европы» в 1904 году. Призыв Щеголева — серьезно, опираясь на реальные факты, а не на слухи и домыслы, — изучить этот вопрос, не был услышан. За прошедшие с той поры семьдесят лет именно такого исследования и не появилось.

А между тем комментаторы очередных специальных и массовых изданий сочинений Пушкина, биографы, исследователи лирики настойчиво продолжали писать о любви к Воронцовой, относили к графине всё новые стихотворения. При этом проявилась одна закономерность: чем чаще называлась Е. К. Воронцова как именно та женщина, имя которой утаил Пушкин, тем все меньше приводилось доказательств в пользу данной версии. Так сложилось в современном пушкиноведении убеждение, что история отношений Пушкина с Воронцовой уже не нуждается в доказательствах. Обилие созданной по этому вопросу лите-

ратуры рождало плюзию доказанности того, что еще совсем недавно было только маловероятной гипотезой. Процесс формирования мифа завершился.

Рассмотрим сначала фактическую сторону вопроса. Что нам действительно известно, чем мы располагаем? Прежде всего, конечно, свидетельствами самого Пушкина о знакомстве с Воронцовой (ее портреты, чаще всего вместе с мужем, сделанные на рукописях «Евгения Онегина», также — редкие пометы типа «ужинал у Воронцовой», упоминание в так называемом Донжуанском списке имени «Элиза.») Сюда же следует отнести показания людей, живших одновременно с Пушкиным в Одессе, имевших возможность наблюдать поэта вблизи, пользовавшихся его доверенностью. Это воспоминания Ф. Ф. Вигеля, которые являются главным источником сведений о взаимоотношениях Пушкина с Воронцовой (об этом же, но с чужих слов писал и П. Капнист), и письма В. Ф. Вяземской мужу из Одессы, куда она прибыла 7 июня 1824 года.

Какие выводы можно сделать из анализа этих документальных сведений? В январе 1824 года Пушкин, в числе других чиновников воронцовского управления, начинает бывать в доме начальника на торжественных обедах, балах и маскарадах, которые давал граф Воронцов, на приемах, устраивавшихся графиней Елизаветой Ксавьерьевной. Именно в это время Пушкин близко знакомится с Воронцовой. Вигель и Вяземская в разное время наблюдали увлечение поэта графиней.

Вигель писал: «Влюбчивого Пушкина не трудно было привлечь миловидной *** (Воронцовой. — Г. М.), которой Раевский представил, как славно иметь у ног своих знаменитого поэта». А. Раевский — друг поэта, близкий человек к семейству Воронцовых (в свои приезды в Одессу он и жил в их доме), был возлюбленным графини. Чтобы как-то скрыть от графа Воронцова свою близость с его женой, он и попросил Пушкина ухаживать за Елизаветой Ксавьерьевной. Вигель понял, какую игру затеял А. Раевский, и, опасаясь за Пушкина, предупредил его¹. Ту же версию «романа» слышал от современников и записал в своих мемуарах граф П. Капнист.

Приехавшая в июне 1824 года в Одессу княгиня Вяземская была в дружеских отношениях и с Пушкиным, и с Е. К. Воронцовой. В письме мужу Вяземская сообщила, что Пушкин скучает, потому что «три женщины, в которых он был влюблен, недавно уехали». Судя по контексту письма, одна из трех — Воронцова. В конце письма Вяземская, приглашая мужа прибыть в Одессу, высказывает предположение, что он, несомненно, по приезде станет соперником Пушкина в ухаживании за Воронцовой. Письмо Вяземской передает светский характер увлечения Пушкина, говорит о любовной игре с кокетливой, любящей поклонение мужчин графиней.

Таковы факты. Они не допускают возможности говорить о великой, на всю жизнь любви Пушкина к Воронцовой. О том же свидетельствуют и обстоятельства жизни Пушкина в Одессе. Проведенное изучение биографии поэта в одесский период позволяет внести существенные поправки в бытующие ныне представления. «Роман» с Воронцовой, относимый к осени 1823 года, не мог состояться в это время — она была беременна и не появлялась в обществе. Встречи с Воронцовой, как свидетельствуют документы, начались после рождения сына, с 25 декабря 1823 года, когда граф Воронцов устроил большой прием по случаю рождества. Январь и февраль 1824 года — это и есть, собственно, период светского увлечения Пушкина Воронцовой, которое, кстати сказать, проходило на глазах Раевского, ничуть не испортив их дружеских отношений. Об атмосфере, которую создавала графиня на устраиваемых ею приемах и маскарадах, оставили свои свидетельства и Вигель, и Туманский. Они писали, что «миленькая», «легкомысленная», «кокетливая» Елизавета Ксавьеревна «щеголевато дурачилась» и всех «интриговала», особенно на маскарадах, когда она надевала «карикатурное платье». Среди тех, кого она «интриговала», мог быть и Пушкин. И нет никакого сомнения, что он с увлечением включался в эту веселую любовную игру.

11 марта Пушкин уехал в Кишинев. 20 марта Воронцова вместе с мужем покинула Одессу, выехав в имение своей матери в Белую Церковь, где жили ее дети. Возвратилась она в Одессу после 20 апреля.

Второй тур возможных и действительно бывших встреч Пушкина с Воронцовой приходится на время с конца апреля по 14 июня, когда Воронцовы отбыли в Гурзуф. Вернулась Воронцова в Одессу 25 июля, а 31 июля Пушкин вынужден был уехать из Одессы в Михайловское. Но эти полтора месяца одесской жизни Пушкина решительно не похожи на зимние, заполненные светскими развлечениями. Прежде всего это была пора активной вражды Воронцова и Пушкина, грязных интриг графа, его доносов на поэта, борьбы Пушкина за свое достоинство и независимость. В это время, по свидетельству Вигеля, Воронцов, не скрывая своей ненависти к Пушкину, называл его «мерзавцем» (май 1824 года), а Пушкин именовал графа «вандалом, придворным хамом» и писал на него известные злые эпиграммы. Сложившиеся обстоятельства исключали возможность посещения Пушкиным дома Воронцова.

Более того, в те же месяцы псывились и другие причины, по которым Пушкин практически не мог встречаться с Воронцовой — ни в ее доме, ни на даче Рено. Дело в том, что тяжело заболела маленькая дочь Воронцовых. Большую девочку родители привезли из Белой Церкви в конце апреля. Ф. Вигель рассказывает, что когда он в очередной раз прибыл в Одессу 16 мая 1824 года, он застал Воронцовых в большой печали — их четырехлетняя дочь Александра была «опасно больна». Специально

¹ Ф. Ф. Вигель. Записки, ч. 6, М., 1842, стр. 171.

выписанный из Англии доктор «не ручался за ее жизнь». Оттого родители «не могли переехать на нанятый приморский хутор Рено... и принуждены были жить среди городской духоты»¹.

Как же и где в этих условиях могли происходить свидания, о которых пишут пушкинисты? Когда зимой встречи бывали, то многие это запомнили и рассказали об этом в письмах или воспоминаниях. О летних встречах Пушкина с Воронцовой нам ничего не известно.

Из всего сказанного ясно, что Пушкин был в известной мере увлечен Воронцовой, участвовал в той светской любовной игре, которую любила графиня. Видимо, этим и можно объяснить включение имени «Элизы» в шуточный список, позже претенциозно названный «Дон-жуанским».

Б

Другую и самую значительную часть литературы о «великой» любви Пушкина к Воронцовой составляют биографические работы и изыскания, посвященные истолкованию с биографических позиций лирических стихотворений Пушкина. Труды эти с поразительной откровенностью раскрывают субъективизм в обращении с фактами. Еще в 1925 году авторитетнейший пушкинист Б. В. Томашевский указывал, что в большинстве случаев изучение биографии поэта и его лирических (в частности, любовных) стихотворений осуществляется «путем подбора произвольных аргументов и догадок, имеющих источником единственно остроумие автора».

Таких биографов-комментаторов Б. В. Томашевский называл «толковниками», которые и создают мифологическую биографию поэта. Ученый вскрыл механизм создания мифа с помощью произвольного использования подлинных сведений о жизни Пушкина. «Так из реальных фактов (по тщательной их переборке)... из муссированных биографических мотивов создается литературная биография-миф, не всегда расценная, не всегда согласованная».

Вопрос этот рассматривался Б. В. Томашевским исторически: «Легенда о жизни Поэта (с большой буквы — героя лирики) не умирает со смертью автора. Вокруг его имени нарастает своего рода „фольклор“ в форме подозрительных „мемуаров“ мастиных „старцев“...» Такие собиратели «устной традиции, как Бартенева, и были фокусами этой творимой легенды о поэте, где реальные факты переплетаются с фактами муссированными, со сплетнями — формой великосветской устной словесности — и анекдотами, часто случайно приурочиваемыми к тому или иному лицу»².

Предупреждения Б. В. Томашевского не были услышаны — у пушкинистов последнего полувека, занимавшихся биографией и лирикой поэта, мы встречаем то же или еще большее благоговение перед слу-

хамп и сплетнями, которыми окружали Пушкина при жизни и после его смерти.

В огромной литературе по данному предмету нет никаких новых фактов о «романе» Пушкина с Воронцовой. Усилия многих пушкинистов направлены на доказательство продолжавшейся после отъезда Пушкина из Одессы любви к Воронцовой; тем самым как бы подкреплялся «факт» интимных отношений Пушкина и Воронцовой в Одессе. Эта концепция открывала широкий простор для биографического истолкования любовной лирики Пушкина за период с 1823 по 1830-й год: можно было свободно и легко адресовать Воронцовой многие стихотворения. В биографическом же плане истолкованная лирика, в свою очередь, служила «доказательством» существования романа. Создавался замкнутый круг, все «факты» сходились, росла и крепла уверенность в беспорочности всех собранных и добытых сведений и доказательств.

Вот почему давно назрела необходимость проверки этой «аксиомы», чтобы отделить реальные факты от «фактов», почерпнутых в светском «фольклоре», действительные события от вымышленных.

Особой популярностью пользуется сюжет о так называемой переписке Пушкина и Воронцовой. Идея переписки возникла гипотетически: если в Одессе был роман, то после отъезда Пушкина в Михайловское любовники должны были переписываться. С другой стороны, если будет доказан факт переписки, то он документально подтвердит любовные отношения Пушкина с Воронцовой в Одессе.

Сначала «доказали» получение писем Пушкиным от Воронцовой. Присмотримся к системе научной аргументации. В свое время В. Е. Якушкин при описании рукописей Пушкина обратил внимание на пушкинскую помету на рукописи третьей главы «Евгения Онегина» (XXII—XXXIII строфы): «5 сен. 1824 u. l. de...». Точками Якушкин обозначил довольно густо зачеркнутые буквы. Запись прочитывается так: «5 сентября une lettre de», то есть «письмо от...». Что скрыто за зачеркнутыми буквами, сначала не расшифровывали, но уверенно высказали предположение, что запись свидетельствует о получении письма от Воронцовой. М. Гершензон не согласился с таким толкованием. Он писал: «...почему „письмо от...“ означает письмо именно от Воронцовой, это остается тайной веры. В рукописи за предлогом de... следовала одна прописная французская буква, потом несколько раз зачеркнутая... Зачеркнутая в тетради буква инициала очень похожа на R»¹.

П. Е. Щеголев вновь обратился к рукописи, чтобы попытаться разобрать зачеркнутый инициал. Вот его выводы: «Пушкин написал сначала Rr потом это Rr покрыл буквою V, а затем горизонтальными линиями зачеркнул их ...мой разбор пометы, кажется, правильнее разбора Гершензона. А смысл пометы: „5 сентября 1824 une lettre de Princesse Viasemsky“? Конечно, речь идет о письме, которое кн. В. Ф. Вя-

¹ Ф. Ф. Вигель, Записки, ч. 6, стр. 168.

² Б. В. Томашевский и Пушкин. Современные проблемы историко-литературного изучения, Л., «Образование», 1925, стр. 93, 61, 62.

¹ Вестник Европы, 1909, февраль, стр. 537.

земская послала Пушкину из Одессы через Псковского губернатора, между 9 и 25 августа»¹.

Прочтение, предложенное П. Е. Щеголевым, не было принято, оно не поколебало убеждений сторонников переписки Воронцовой с Пушкиным. В 1935 году М. А. Цявловский, опубликовав эту запись Пушкина, предложил свое чтение зачеркнутых букв — L. V. Он делает категорический вывод: «Запись нужно читать: „une lettre de Lise Vozonzoff“ (письмо от Лизы Воронцовой)»².

Изучение автографа этой пушкинской записки убеждает в правильности расшифровки, данной П. Е. Щеголевым. Никакого французского R там нет. Нет также и французской буквы L. Совершенно отчетливо выписана буква V, перекрывавшая R. Сравнение написаний буквы R Пушкиным в рукописях того же времени убеждает, что один из вариантов ее написания совпадает с данной записью. Внизу этой буквы маленький знак, который с большой вероятностью может быть прочитан как г.

Но расшифровывать V как инициал фамилий Воронцовых или Вяземских нельзя, поскольку Пушкин писал обе эти фамилии через дубль W. И все же прав именно Щеголев — запись свидетельствовала о получении письма от Вяземской, только букву V надо раскрывать как инициал имени адресата, а не фамилии — «письмо от княгини (Princesse) Веры». Это подтверждают дошедшие до нас письма Пушкина к Вяземской — традиционным обращением в них были слова «княгиня Вера». Имя Вера пишется через V. Так обстоит дело с расшифровкой записи Пушкина о получении письма из Одессы.

«Доказав» получение писем от Воронцовой, биографы Пушкина, естественно, были озабочены обнаружением писем Пушкина к графине. И — нашли! Вот уж повстине — кто ищет, тот всегда найдет. Так в собраниях сочинений, и в том числе академическом, появилось письмо Пушкина. Вот как оно печатается: «Е. К. Воронцовой. Середина августа 1824 — начало 1825 г. Михайловское. (Отрывок)». И далее французский текст, за которым следует перевод: «Что делает ваш грубиян-супруг»³.

Странное письмо! Откуда оно, как попало в собрание сочинений Пушкина? Ответ находим в примечании: «Печатается по тексту „Русского архива“ (1912, кн. II, № 5, стр. 159), где эта фраза впервые опубликована П. И. Баргеновым, слышавшим ее от „домоправителя“ Воронцовых, Г. И. Тумачевского, сохранившего ее по памяти. Тумачевский рассказывал, что у Е. К. Воронцовой имелась „небольшая связка с письмами Пушкина“, но что она „их истребила“. Как видим, источник не новый — Баргенов, который был главным

собирателем светского фольклора. Трудно опровергать подобные басни, хотя и очевидно, что сообщение «домоправителя» является чистым вымыслом. Вдумаемся серьезно в это сообщение: графиня, а затем княгиня Воронцова, выужденная скрывать от мужа свой роман с Пушкиным и тайно хранить письма от него, вдруг доверительно сообщает об этих фактах своему домоправителю... Мало того — она читает ему письма Пушкина! А домоправитель «запомнил» всего одну фразу, но какую! Оказывается, главное, что волновало поэта, о чем он спрашивал в своих письмах любимую женщину, — что делает ее грубиян-супруг! Все это нелепо. Видимо, биографы все же не очень доверяют «домоправителю» — во всяком случае, «письмо» Пушкина помещено в отделе Dubia. Но М. А. Цявловский, к сожалению, внес данный «факт» в свою «Летопись».

6

Несколько слов о другом сюжете: доказательство «пламенного увлечения» Пушкина Воронцовой на основании письма Александра Раевского от 21 августа 1824 года, присланного поэту в Михайловское. Письмо друга Пушкина и возлюбленной Воронцовой считается бесспорным свидетельством романа поэта.

Н. О. Лернер в статье «Пушкин в Одессе» писал: «Через сердце Пушкина пронеслось пламенное увлечение Воронцовой. Она — тот ангел нежный, который, сияя поникшей головою у дверей рая, пробудил „жар невольный умиления“ в холодном сердце мрачного духа зла... Своей Татьяне, „любимице золотой своей весны“, поэт придал некоторые черты Воронцовой»¹. В примечаниях к стихотворению «Демон» этот мотив — Воронцова-Татьяна — развит более подробно. Откуда это угодобление? Из письма А. Раевского Пушкину.

Рассмотрим это письмо. Раевского не было в Одессе, когда Пушкин уезжал в Михайловское. Старый друг написал ему теплое, полное участия и сочувствия письмо. «Я испытываю настоящую потребность писать вам. Нельзя безнаказанно прожить вместе столько времени; даже оставляя в стороне множество причин, которые заставляют меня питать к вам истинную дружбу, одной привычки было бы достаточно, чтобы создать между нами [истинную] прочную привязанность... знайте же, что, не говоря уже о вашем прекрасном и большом таланте, я с давних пор проникся к вам братской дружбой, и никакие обстоятельства не заставят меня отказаться от нее».

Затем А. Раевский сообщает об одесских новостях и переходит к главной теме письма: «Сейчас расскажу вам о Татьяне. Она приняла живейшее участие в вашем несчастье; она поручила мне сказать вам об этом, я пишу вам с ее согласия. Ее нежная и добрая душа видит лишь несправедливость, жертвою которой вы стали; она

¹ П. Е. Щеголев. Из жизни и творчества Пушкина. М. — Л., ГИХЛ, 1931, стр. 240.

² Рукою Пушкина М. — Л., Academia, 1935, стр. 301.

³ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. т. 13, АН СССР, М. — Л., 1937, стр. 353, 565.

¹ Пушкин Н. Сочинения, под ред. С. А. Венгерова, т. II, СПб., 1908, стр. 276.

выразила мне это со всей чувствительностью и грацией, свойственными характеру Татьяны»¹. Как правило, на этом обрывают цитату из письма. Пушкинистам достаточно было того, что Раевский называет близкую Пушкину женщину Татьяной. Позже об этом писал П. Губер: «...под Татьяной, несомненно, надлежит подразумевать Е. К. Воронцову»².

В те годы, когда комментировалось письмо Раевского, считалось, что Е. К. Воронцовой не было в Одессе в дни отъезда Пушкина. Потому-то письмо Раевского и толкуется как выражение желания Воронцовой высказать Пушкину свое отношение к его высылке из Одессы. Это желание «Татьяны», как мы видели, и служит Н. О. Лернеру основанием отождествить ее с Воронцовой.

Но в 1913 году в печати появились письма В. Ф. Вяземской мужу от 25 и 27 июля 1824 года, из которых стало известно, что Е. К. Воронцова вернулась из Крыма в Одессу 25 июля³. И Пушкин видел ее перед своим отъездом 31 июля. Следовательно, не было никакой необходимости у Воронцовой прибегать к посредничеству Раевского. Письмо Раевского как аргумент в пользу гипотезы «Воронцова — это „Татьяна“» оказывается несостоятельным. Домыслом является и утверждение, что «Татьяна» — Воронцова «осуждала» своего мужа. Из письма В. Ф. Вяземской мужу мы знаем, как в действительности относилась Е. К. Воронцова к высылке Пушкина из Одессы. В. Ф. Вяземская писала: «Мы продолжаем ничего не знать о судьбе Пушкина. Даже графиня знает только то же, что и ты, что он (Пушкин. — Г. М.) должен будет оставить Одессу. Ее муж сказал просто, что для Пушкина ничего нельзя сделать в Одессе...»⁴.

Отождествлению «Татьяны» из письма Раевского с Воронцовой решительно противоречат и другие факты письма. Прочтем его до конца, приглядимся к интересным сообщениям Раевского: «...она высказала мне это с чувствительностью и грацией, свойственными характеру Татьяны. Даже ее прелестная дочка вспоминает о вас, она часто говорит со мною о сумасбродном г-не Пушкине и о тросточке с собачьей головкой, которую вы подарили ей»⁵. Здесь, как видим, сообщены чрезвычайно важные сведения, — казалось бы, именно эти факты и должны были привлечь внимание пушкинистов, видящих в «Татьяне» Воронцову. Но известие о дочке «Татьяны» не заинтересовало их, а оно очень важно.

Первый вопрос: сколько может быть лет дочке «Татьяны», если она «часто говорит о сумасбродном Пушкине»? В таком опре-

делении отразился опыт общения девочки с Пушкиным, способность ее делать заключения. Думается, такое под силу девочке старше шести-семи лет, не меньше. Второй вопрос: была ли дочь у Воронцовой? Да, как мы знаем, была, но в 1824 году ей было три с половиной года! Третий вопрос: был ли знаком Пушкин с дочерью Воронцовой? Вряд ли. Зимой 1824 года дети Е. К. Воронцовой жили в Белой Церкви у бабушки, графини Браницкой. В марте 1824 года графиня уехала к детям. Болезнь дочери обострилась — в конце апреля ее пришлось привезти в Одессу. Здесь она провела два месяца — на грани смерти, и 14 июня, как только ей стало лучше, ее вывезли из душной и пыльной Одессы в Крым. Пушкин, следовательно, не мог «подружиться» с дочерью Воронцовой. Вывод — нет никаких оснований отождествлять «Татьяну» из письма А. Раевского и Е. Воронцову; друг Пушкина сообщал совсем о другой женщине. Тем самым рушится, собственно, единственный казавшийся абсолютно достоверным и бесспорным аргумент в пользу версии о «пламенном увлечении» и «могучей страсти» Пушкина к Воронцовой.

Приведенные материалы говорят о несостоятельности созданного пушкинистами мифа о роли Е. К. Воронцовой в жизни Пушкина. И, право, может быть, и не стоило бы так подробно разбираться в путях и методах формирования легенды и опровергать ее, если бы с ее помощью не подвергалась неверному толкованию поэзия Пушкина.

7

1823 год был переломным в жизни Пушкина — пережитый им идейный кризис обновил весь мир его нравственных, эстетических, философских представлений. Нараставшая неудовлетворенность романтизмом привела к пересмотру его позиций. В горниле сомнений и скепсиса закалялась новая вера поэта. Духовное возрождение Пушкина обусловило иное отношение к жизни, людям, страстям. Доверие к действительности, к реальному человеку, к своим чувствам освободило от привычки смотреть на все глазами предубеждений — романтических, книжных, светских, помогло избавиться от образа гордой, непонятой, одинокой и разочарованной в жизни и в своих чувствах личности («Я пережил свои желанья, Я разлюбил свои мечты, Остались мне одни страданья, Плоды сердечной пустоты...»).

Стихи, написанные на юге, были наполнены «безымянными страданиями», в них говорилось о «сводах скал», «пышных берегах», «блещущих водах» моря, изменах, обманах «девы юной» и т. д. Все это позже Пушкин определит как «высокопарные мечтания».

В пору обретения новой веры и открылось сердце Пушкина большой любви. Не «девы юные» и не «прелестницы» и «жрицы сладострастья» волновали теперь его воображение. Поэт встретил женщину, самобытная личность которой и ее ум полностью плени-

¹ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. 13, стр. 529—530.

² П. К. Губер. Дон-жуанский список Пушкина. Пг., 1923, стр. 132.

³ Остафьевский архив, т. V, вып. 2, СПб., 1913, стр. 134.

⁴ Там же, стр. 136—137.

⁵ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. 13, стр. 530.

ли его. В 1824 году в программном стихотворении «К морю» он писал:

Не удалось навек оставить
Мне скучный, неподвижный брег,
Тебя восторгами поздравить
И по хребтам твоим направить
Мой поэтический побег!

Ты ждал, ты звал... я был окован;
Вотще рвалась душа моя:
Могучей страстью очарован,
У берегов остался я...

Всем прежним увлечениям протivостала «могучая страсть»; не литературно-романтическое представление о «вечной любви», но подлинно высокое, живое, исполненное горечи, страдания и красоты чувство.

Любовь Поэта выразила себя в стихах. Пушкин писал их по душевной потребности, по велению сердца. Так в течение времени складывался цикл стихотворений, внутреннее единство которого определялось индивидуальной неповторимостью чувства духовной общности любящих, силой и особым характером этой «могучей страсти».

В цикл могут быть включены: «Ночь» (1823); стихотворения 1824 года — «Разговор книгопродавца с поэтом» (лирические отступления в полной первой редакции); «Ненастный день потух...»; три стихотворения 1825 года — «Сожженное письмо», «Желание славы» и «Все в жертву памяти твоей...»; «На холмах Грузии...» (1829 — полная, первая редакция); прощальные стихи 1830-го года: «Прощание», «Закливание», «Для берегов отчизны дальней...».

Лирический цикл этот не может и не должен рассматриваться биографически, но только поэтически. Но именно внутреннее единство этих стихотворений и разрушается комментаторами, которые адресуют его разным женщинам, в том числе Е. К. Воронцовой. А в них раскрылись личность Пушкина, его нравственный опыт, его понимание любви, его идеал духовной близости двух любящих людей, но раскрылись в осложненном и обобщенном образе Поэта. Стихи эти потому не нуждаются в биографическом комментарии, не могут они привлекаться и для иллюстрирования биографии Пушкина.

В этой связи должно напомнить мудрые и вещие слова Гоголя об особенном характере лирической поэзии Пушкина: «Даже и в те поры, когда метался он сам в чаду страстей, поэзия была для него святыня, — точно какой-то храм. Не входил он туда неопрятный и неприбранный; ничего не вносил он туда необдуманного, опрометчивого из собственной жизни своей; не вошла туда нагишом растрепанная действительность. А между тем все там до единого есть история его самого. Но это ни для кого незримо. Читатель услышал одно только благоуханье; но какие вещества перегорели в груди поэта затем, чтобы издать это благоуханье, того никто не может услышать. И как он лелеял их в себе! как вынашивал их! Ни один итальянский поэт не отделял так сонетов своих, как обрабатывал он эти легкие, по-видимому мгновенные создания. Какая точность во всяком слове! Какая значительность всякого выраженья!

Как все округлено, окончено и замкнуто! Все они точно перлы»¹.

Пережитое конкретное и реальное чувство Пушкина и переплавилось в благоуханную, по словам Гоголя, поэзию. Высокая страсть личности с ее счастьем и горем, восторгом вдохновения и страданием, благодарностью щедрого сердца и вечной памятью о единственно близкой и нужной, бесконечно дорогой женщине только в стихах и могла полностью выразить себя. Поэзия и уберегла эту страсть от всеразрушающего времени, от забвения, даровав ей бессмертие.

Первое же стихотворение цикла — «Ночь» — открывает нам счастливого человека, самозабвенно отдающегося творчеству, вдохновение которого слито с музыкой любви.

Мой голос для тебя и ласковый и томный
Тревожит позднее молчанье ночи темной.
Близ ложа моего печальная свеча
Горит; мои стихи, сливаясь и журча,
Текут, ручьи любви; текут полны тобою.
Во тьме твои глаза блистают предо мною,
Мне улыбаются — и звуки слышу я:
Мой друг, мой нежный друг... люблю...
твоя... твоя!..

«Ночь», написанная в Одессе (26 октября 1823 года), сообщила о непосредственном общении двух любящих людей. «Ненастный день потух...» писалось в Михайловском, когда Поэта и его любимую разделили не только громадные пространства России, но и злая сила деспотизма. И любовь являла свою власть, преодолевая время, — Поэт не вспоминает, что было, но рассказывает о мельчайших и дорогих подробностях происходящего сейчас заочного свидания. Любящих соединяет не просто память, а вера друг в друга, та близость, которая преодолевает разлуку:

Вот время: по горе теперь идет она
К брегам, погопленным шумящими волнами;
Там, под заветными скалами,
Теперь она сидит печальна и одна...
Одна.. никто пред ней не плачет, не тоскует;
Никто ее колен в забвенье не целует;
Одна... ничьим устам она не предаст
Ни плеч, ни влажных уст,
ни персей белоснежных.
Никто ее любви несеной не достоин.
Не правда ль; ты одна... ты плачешь...
я спокоен;
Но если

Перед нами пластически переданная сцена любовного свидания — мы не только видим, но слышим и плач одинокой женщины, и заданные поэтом вопросы — «не правда ль: ты одна?», и последние, такие неожиданные слова: «Но если...». Нет, не ревность, не мстительная угроза в этом резком и стремительном — «Но если...», но страсть, всепоглощающая страсть, которая очаровала навсегда Поэта.

«Желание славы» написано в следующем, 1825 году. В центре стихотворения вновь сцена прошлого любовного свидания — поэт вырывает из небытия то, что уже было, воссоздает незабываемые мгновения испы-

¹ Н. В. Г о г о л ь. Полн. собр. соч., т. VIII, М. — Л., изд-во АН СССР, 1952, стр. 382—383.

танного счастья. Поэтическое слово навечно закрепляло и сегодняшнее упоение любовью, и нежность к избраннице сердца, и наслаждение духовной близостью с нею, и ее ревниво милые вопросы...

Когда, склонив ко мне томительные взоры
И руку на главу мне тихо наложив,
Шептала ты: скажи, ты любишь, ты счастлив?
Другую, как меня, скажи, любить не будешь?
Ты никогда, мой друг, меня не позабудишь?
А я стесненное молчание хранил,
Я наслаждением весь полон был, я мнил,
Что нет грядущего, что грозный день разлуки
Не придет никогда...

Уже в первом стихотворении цикла — «Ночь» — поэт с удивительной доверчивостью мысленно обращался к избраннице, рассказывая о своих стихах — «ручьях любви». Белинский причислял «Ночь» к антологическим стихотворениям, указав в то же время, что их «содержание принадлежит скорее новейшему миру, нежели древнему». «Пластичность и грация» в выражении мысли — вот что прежде всего отличает этот род поэзии. «Ночь» принадлежит к стихам, где «в краткой речи, молниеносном и неожиданным обороте, в простых и немногосложных образах, схватывается одно из тех ощущений сердца, одна из тех картин жизни, для которых нет слова на вседневном языке человеческом и которые находят свое выражение только на языке богов в поэзии...»¹. Упоение духовной близостью с любимой женщиной и было тем ощущением сердца, которое могло быть выражено только языком поэзии, — «вседневный язык человеческий» оказывался тут бессильным.

В программное стихотворение «Разговор книгопродавца с поэтом» Пушкин включил лирический рассказ о своей любви. В год написания стихотворения поэту открылась живая красота истинно человеческой любви с ее незыблемым условием духовной близости. Свой душевный опыт Пушкин отдает Поэту. Он вспоминает о любимой женщине, с которой злой волей его разлучили. Свою страсть, чувства и память он передает в форме размышления:

...душа моя
Хранит ли образ незабвенный?
Любви блаженство знал ли я?
Тоскою ль долгой изнуренный,
Таил я слезы в тишине?
Где та была, которой очи,
Как небо, улыбались мне?
Вся жизнь, одна ли, две ли ночи?..

Последний гениальный стих беспримерен в мировой поэзии по пронзительной лаконичности раскрытия человеческого счастья любви.

Особый характер этого счастья, его полнота выявляются в последующих стихах:

С кем поделюсь я вдохновеньем?
Одна была... пред ней одной
Дышал я дивным упоеньем
Любви поэзии святой².
.....
Она одна бы разумела
Стихи неясные мои;
Одна бы в сердце пламенела
Лампадой чистою любви!

Счастье не было безмятежным. Возникли размолвки, доводилось испытывать горечь недоверия. И все же именно духовное единство любящих является той неповторимой печатью, которой отмечены стихи пушкинского любовного цикла. Сама возможность написания стихотворения «Желание славы», размышления и мечты поэта о литературной славе, доверительно высказываемые любимой женщине, обусловлены тем характером любви, которой ведомо счастье «делиться вдохновеньем».

Когда, любовью и негой упоенный,
Безмолвно пред тобой коленопреклоненный,
Я на тебя глядел и думал: ты моя, —
Ты знаешь, милая, желал ли славы я;
Ты знаешь: удален от ветреного света,
Скучая светлым прозванием поэта,
Устав от долгих бурь, я вовсе не принимал
Жужжанья дальнему упреков и похвал.

Нежданная гроза обрушилась на любящих, одиночества разлучили их; «слезы, муки, Измены, клевета, все на главу мою
Обрушилось вдруг...»

...Стою,
Как путник, молнией постигнутый в пустыне,
И все передо мной затмилось! И ныне
Я новым для меня желанием томим:
Желаю славы я, чтоб именем моим
Твой слух был поражен всечасно, чтоб ты мною
Окружена была, чтоб громкою молвою
Все, все вокруг тебя звучало обо мне,
Чтоб, гласу верною внимая в тишине,
Ты помнила мои последние мольбы
В саду, во тьме ночной, в минуту разлученья.

Личность поэта выражала себя во вдохновенных стихах, которые всем сердцем понимала и «разумела» любимая. Поэзия преодолевала разлуку, соединяя разлученных тесными и нерасторжимыми узами. «Желание славы» — это гимн любви, возвышенной и просветленной духовным родством, раскрывавшим возможность наслаждаться нравственным богатством личности любимого человека.

В поэтической летописи этой любви вдруг обнаруживается провал: произошла неведомая нам катастрофа, после которой последовала заключительная часть цикла — прощальные стихи, обращенные по-прежнему к любимой женщине, но уже умершей. Возможно, первым откликом на эту весть явилось стихотворение «Все в жертву памяти твоей...», вылившееся в форму клятвы верности:

Все в жертву памяти твоей:
И голос лиры вдохновенной,
И слезы девы воспальной,
И трепет ревности моей,
И славы блеск, и мрак изгнанный,
И светлых мыслей красота,
И мненье, бурная мечта
Ожесточенного страданья.

Но взаимная любовь одарила таким счастьем, что не только память — живое чувство к ушедшей из жизни женщине сохранилось в его душе. Оно и выразилось в завершающих цикл прощальных стихотворениях. Программным оказалось ранее написанное стихотворение «Все тихо — на Кавказ идет ночная мгла...», созданное во время поездки на Кавказ в 1829 году. Стихотворение это имеет две редакции: первая — разрастравленная, и вторая —

¹ В. Г. Белинский И. Полн. собр. соч., М., изд-во АН СССР, т. 5, 1954, стр. 257.

² Четверостишие из не включенного в печатный текст варианта стихотворения.

вдвое сокращенная, ее печатают в основном тексте («На холмах Грузии лежит ночная мгла...»). Первая редакция — в сущности, самостоятельное стихотворение. Именно в нем искренне и доверительно впервые говорится о продолжающейся любви Поэта.

Всё тихо — на Кавказ идет ночная мгла,
Восходят звезды надо мною.
Мне грустно и легко — печаль моя светла,
Печаль моя полна тобою —

Тобой, одной тобой — унынья моего
Ничто не мучит, не тревожит,
И сердце вновь горит и любит оттого,
Что не любить оно не может.

Прошли за днями дни. Сокрылось много лет.
Где вы, бесценные созданы?
Иные далеко, иных уж в мире нет,
Со мной одни воспоминашь.

Я твой по-прежнему, тебя люблю я вновь
И без надежд и без желаний.
Как пламень жертвенный чиста моя любовь
И нежность девственных мечтаний.

Поэт не только вспоминал о том, что было, но рассказывал и о том, что навсегда вошло в его духовный мир, что продолжало жить в его сердце. Смерть любимой принесла горе и страдание. Но для Пушкина счастье не ожесточившись с беззаботным весельем. Он мудро писал: «Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать». Чувство утраты рождало печаль. Счастье делало эту печаль светлой. Горе не сломило Поэта — живая страсть по-прежнему делала жизнь полной. Не было надежд на встречу с любимой, но оставалась и росла из года в год нежная благодарность за ее любовь, за познанное блаженство бытия. Так определялась глубокая внутренняя связь между любовными и прощальными стихотворениями цикла. Память бережно хранила нежно-ревнивые вопросы и признания любимой: «Скажи, ты любишь, ты счастлив?», «Другую, как меня, скажи, любить не будешь?» или — «Мой друг, мой нежный друг... люблю... твоя... твоя!..». И прощальные стихи писались как «ответ» на эти вопросы: «Я твой по-прежнему, тебя люблю я вновь» («Все тихо — на Кавказ...»), «но тоскуя, Хочу сказать, что все люблю я, Что всея твоей...» («Заклинание»).

«Пушкин не дает судьбе победы над собою; он вырывает у ней хоть часть отнятой у него отрады. Как истинный художник, он владел этим инстинктом истины, этим тактом действительности, который на „здесь“ указывал ему как на источник и горя и утешения, и заставлял его искать целения в той же существенности, где постигла его болезнь. И, право, в этой силе, опирающейся на внутреннем богатстве своей натуры, более веры в Промысл и оправдания путей его, чем во всех заоблачных порываниях мечтательного романтизма»¹.

В прошлом — биографический метод, в наши дни — требования расшифровки имен в любовных стихотворениях Пушкина мешают изучению его лирики. Не случайно любовная лирика чаще изучается в аспекте

биографическом. Оттого оказываются возможными такие, например, суждения о пушкинском понимании любви: «Любовь, как проникновение в духовный облик другого существа... полное слияние с ним и радость общего бытия в единстве внутренних переживаний — такое чувство было чуждо Пушкину. Любви в этом смысле он вероятно никогда не знал... любви в простом человеческом смысле ему по-видимому никогда не пришлось испытать»¹.

В 1830 году в стихотворении «К вельможе» Пушкин писал: «Ты понял жизни цель: счастливый человек. Действительность была враждебна человеку, она беспощадно разрушала все естественные для людей мечты и надежды на счастье. Пушкин всем творчеством своим поддерживал в людях веру в возможность счастья на земле. Он признавался: «Говорят, что несчастье хорошая школа: может быть. Но счастье есть лучший университет. Оно довершает воспитание души, способной к доброму и прекрасному...». Стихи Пушкина о своей горькой, но счастливой любви воспитывают душу, делают ее способной к доброму и прекрасному.

Выражением идейного кризиса Пушкина в 1823 году явилось стихотворение «Демон». «Злобный гений», навещавший поэта, вливал в душу «хладный яд», «Он вдохновенно презирал; Не верил он любви, свободе». Преодолев романтизм и прочно встав на почву реальной действительности, Пушкин выработал новые убеждения, новые идеалы. Тогда-то он и вернул «возвышенным чувствам» — «свободе, славе и любви» их реальный и великий смысл. Любовь, свобода и творчество — это для Пушкина то, что обуславливает полную самореализацию личности.

Свобода пробуждает необъятные силы, поднимает человека к достойной жизни. Творчество — это деятельность, воодушевляемая большими гражданскими целями, наибольшая отдача сил, вдохновенное служение делу, нужному и отдельному человеку, и всему народу, родине. Эта деятельность связывает каждого с миром всеобщего, выводит из сферы эгоистических интересов, позволяет личности духовно расти. Любовь — могучая и глубокая страсть, преобразя и облагораживая человека, открывает ему пути к высокой и прекрасной жизни. Она не отрывает его от действительного мира. Нужда в другом человеке помогает лучше познать себя, познать свое назначение и свою роль на земле.

Свобода, творчество, любовь — это те константы нравственного мира человека, без которых нет истинной личности. Любовные стихи Пушкина с потрясающей поэтической-исповедальной силой открыли личность поэта, запечатали его духовное богатство, которое он так свободно и щедро отдавал людям — и близким современникам, и дальним потомкам.

¹ В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. VII, стр. 329.

¹ Л. П. Гроссман, Культура писем в эпоху Пушкина. В кн.: Письма женщин к Пушкину. М., 1928, стр. 10—11.